

Киплинг

Как мотылек топнул

Теперь, милые мои, я расскажу вам новенькую сказку, непохожую на прежние, сказку о мудром Сулейман-бен-Дауде.

О нем уже раньше сложилось триста пятьдесят пять сказок, но моя сказка не из их числа. Это не сказка про пигалицу, которая нашла себе воду, или про потатуйку, которая своими крыльями защитила Сулеймана от зноя. Это не сказка про стеклянную мостовую, или про рубин с извилистым отверстием, или про золотые ворота султанши Балкис. Это сказка о том, как мотылек топнул.

Ну, теперь слушайте внимательно! Сулейман-бен-Дауд отличался необыкновенной мудростью. Он понимал, что говорили звери, что говорили птицы, что говорили рыбы, что говорили насекомые. Он понимал, что говорили скалы глубоко под землею, когда сталкивались друг с другом и глухо стонали. Он понимал, что говорили деревья, когда утром шелестела их листва. Он понимал все-все на свете. А красавица Балкис, главная султанша, почти не уступала ему в мудрости.

Сулейман-бен-Дауд отличался могуществом. На третьем пальце правой руки он носил кольцо. Если он поворачивал это кольцо один раз, то к нему слетались подземные духи, готовые исполнить все его приказания. Если он поворачивал кольцо два раза, то к нему слетались небесные феи, готовые исполнить все его приказания. Если он поворачивал кольцо три раза, то перед ним являлся сам великий Азраэль с мечом и докладывал ему обо всем, что происходило в трех мирах – внизу,верху и здесь.

Однако Сулейман-бен-Дауд не был гордецом. Он очень редко выставлял себя напоказ, а если это случалось, то потом всегда раскаивался. Однажды он вздумал накормить сразу всех животных в мире. Но когда корм был заготовлен, из пучины морской появился зверь, который все сожрал в три глотка. Сулейман-бен-Дауд изумился и спросил:

– Скажи, зверь, кто ты?

Зверь ответил ему:

– О повелитель, да продлится жизнь твоя во веки веков! Я самый маленький из тридцати тысяч братьев, а живем мы на дне морском. До нас дошел слух, что ты собираешься накормить зверей со всего мира, и братья послали меня спросить, когда будет готов обед.

Сулейман-бен-Дауд изумился еще больше и сказал:

– О зверь! Ты уничтожил обед, который я приготовил для всех зверей в мире. Зверь ответил:

– О царь, да продолжится жизнь твоя во веки веков! Неужели ты это называешь обедом? Там, где я живу, каждый из нас на закуску съедает вдвое больше.

Тогда Сулейман-бен-Дауд пал ниц и сказал:

– О зверь! Я хотел устроить обед, чтобы похвастаться, какой я великий и богатый царь, а вовсе не потому, чтобы я хотел облагодетельствовать зверей. Теперь я пристыжен, и это послужит мне уроком.

Сулейман-бен-Дауд был поистине мудрым человеком, милые мои. После того он никогда уж не хвастаться глупо.

{ Здесь изображен зверь, который вышел из моря и пожрал всю еду, заготовленную Сулейман-бен-Даудом для животных всего мира. Это был очень милый зверь, и мать горячо любила его, так же как его двадцать девять тысяч девятьсот девяносто девять братьев, которые жили на дне морском. Вы уже знаете, что он был самым младшим из них, а потому его называли Малюткой Порджи. Он съел все ящики, тюки и узлы с провизией, приготовленной для всего мира, и даже не дал себе труда распаковать их или развязать веревки. Однако это ему нисколько не повредило. За ящиками видны высокие мачты кораблей Сулейман-бен-Дауда. Эти корабли подвозили новый запас провизии, когда Малютка Порджи вышел на берег. Кораблей он не съел. Они не стали разгружаться и поспешно уплыли в море, пока Малютка Порджи еще не кончил своей еды. Вы можете видеть, как несколько кораблей уплывают за спиной Порджи. Я не нарисовал Сулейман-бен-Дауда потому, что он сам в удивлении стоит перед этой картиной. Тюк, который свешивается с мачты корабля, заключает в себе свежие финики для попугаев. Как называется каждый из кораблей, я не знаю. Вот и все, что здесь нарисовано.}

Это была присказка, а теперь начнется сказка.

У Сулеймана было много жен – девятьсот девяносто девять, не считая красавицы Балкис.

Все они жили в большом золотом дворце посреди великолепного сада с фонтанами.

Сулейман-бен-Дауд вовсе не желал иметь столько жен, но в те времена обычай требовал, чтоб у всех было по несколько жен, а у султана больше, чем у других.

Одни из жен были красивы, другие нет. Некрасивые ссорились с красивыми, потом все ссорились с султаном, и это его приводило в отчаяние. Только красавица Балкис никогда не ссорилась с Сулейман-бен-Даудом. Она его слишком любила и, сидя в своих раззолоченных покоях или гуляя по дворцовому саду, не переставала думать о нем и огорчаться за него.

Конечно, Сулейман мог повернуть кольцо на пальце и вызвать подземных духов, которые превратили бы всех девятьсот девяносто девять сварливых жен в белых мулов, или в борзых собак, или в гранатовые семена; но к такому решительному средству он не хотел прибегать, рассуждая, что это значило бы подчеркивать свою власть и хвастаться ею. Поэтому, когда султанши затевали ссору, он уходил подальше в сад и проклинал минуту, когда родился на свет Божий.

Однажды, когда ссоры продолжались целых три недели, – ссорились между собою все девятьсот девяносто девять жен, – Сулейман-бен-Дауд, как всегда, отправился искать успокоения в роскошном саду. Под апельсинными деревьями он встретил красавицу Балкис, которая была очень огорчена тем, что султан переживает такие неприятности. Она сказала ему:

– О мой повелитель, свет очей моих! Поверни кольцо на пальце и покажи этим султаншам Египта, Месопотамии, Персии и Китая, что ты могущественный и грозный властитель.

Сулейман-бен-Дауд покачал головой и ответил:

– О подруга моя, радость дней моих! Вспомни, как зверь вышел из моря и пристыдил меня перед всеми зверями в мире за мое тщеславие. Если я стану хвастаться своим могуществом перед султаншами Египта, Месопотамии, Персии и Китая только потому, что они изводят меня своими ссорами, то мне будет еще стыднее.

Красавица Балкис спросила:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– О мой повелитель, сокровище души моей! Что ж ты будешь делать?

Сулейман–бен–Дауд ответил:

– О подруга моя, утеха моего сердца! Я покорюсь своей судьбе и постараюсь терпеливо выносить вечные ссоры девятисот девяноста девяти жен.

Он еще гулял некоторое время между лилиями, розами, каннами и душистым имбирем, а потом сел отдохнуть под своим любимым камфарным деревом. А Балкис спряталась в чаще пестролистных бамбуков, высоких ирисов и красных лилий, росших около камфарного дерева, чтобы быть поближе к своему горячо любимому мужу.

Вдруг под дерево прилетели два мотылька, ссорясь между собою. Сулейман–бен–Дауд услышал, как один из них сказал другому:

– Удивляюсь, как ты позволяешь себе говорить со мной таким образом. Разве ты не знаешь, что стоит мне топнуть ногою – и весь дворец Сулейман–бен–Дауда вместе с этим роскошным садом мгновенно исчезнет с лица земли?

Сулейман–бен–Дауд забыл о своих девятистах девяноста девяти сварливых женах. Хвастовство мотылька очень его рассмешило, и он до того хохотал, что камфарное дерево затряслось. Протянув палец, он сказал:

– Иди–ка сюда, малютка.

Мотылек страшно испугался, но все–таки полетел на руку султана и сел, похлопывая крылышками. Сулейман–бен–Дауд наклонился к нему и тихонько шепнул:

– Послушай, малютка, ведь ты знаешь, что, сколько бы ты ни топал, ты даже не пригнешь к земле самой тоненькой травки. Зачем же ты рассказываешь небылицы своей жене? Ведь эта бабочка, вероятно, твоя жена?

Мотылек взглянул на Сулейман–бен–Дауда и увидел, что глаза мудрого царя блестят, как звезды в морозную ночь. Он собрал всю свою храбрость, склонил голову набок и сказал:

– О царь, да продлится жизнь твоя вовеки! Это действительно моя жена. А ты знаешь, что такое жены?!

Сулейман–бен–Дауд украдкой улыбнулся и сказал:

– Знаю, братец.

– Нужно поддерживать свое достоинство, – объяснял мотылек. – Жена целое утро ссорилась со мной. Я сказал это, чтоб ее успокоить.

Сулейман–бен–Дауд заметил:

– Дай Бог, чтобы это ее успокоило. Ну, теперь лети к ней, братец. Я послушаю, что ты ей скажешь.

Мотылек полетел к своей жене, которая вся трепетала, сидя на листике. Она воскликнула:

– Он тебя слышал?! Сам Сулейман–бен–Дауд тебя слышал!

– Конечно, слышал, – ответил мотылек.

– Я сам хотел, чтобы он меня слышал.

– А что же он сказал? Что? Говори скорее.

– Гм! – ответил мотылек, напуская на себя важность. – Между нами, милая моя, – он очень испугался, но я его не осуждаю. Дворец ему, видно, стоил больших денег, к тому же и апельсины скоро созреют; вот он просил меня не топтать ногою, и я обещал, что не топну.

– Господи! – воскликнула бабочка и совершенно притихла.

А Сулейман–бен–Дауд хохотал до слез, так его рассмешило бесстыдство негодного мотылька.

Красавица Балкис стояла среди красных лилий и тоже улыбалась, потому что слышала весь их разговор. Она думала:

"Если я буду умно держать себя, то спасу моего повелителя от неприятностей с этими сварливыми султаншами".

Она протянула палец и тихонько шепнула бабочке:

– Иди сюда, малютка.

Бабочка, жена мотылька, испуганно вспорхнула и села на белую руку Балкис.

Балкис нагнула свою чудную головку и спросила шепотом:

– Скажи, малютка, ты веришь тому, что сказал тебе сейчас твой муж?

Бабочка взглянула на Балкис и увидела, что глаза красавицы султанши сияют, как глубокое море, в котором отражаются звезды. Она набра– лась храбрости и сказала:

– О султанша, да сохранится твоя красота во веки веков! Ты ведь знаешь, какие бывают мужья!

Султанша Балкис, мудрая Балкис, приложила пальцы к губам, чтобы скрыть улыбку, и ответила:

– Знаю, сестрица.

– Они сердятся из–за всякого пустяка, – говорила бабочка, быстро помахивая крылышками, – а мы должны им угодить. Им наполовину нельзя верить. Муж думает убедить меня, что он может, топнув ногою, стереть с лица земли Сулейманов дворец. Я этому не придаю никакого значения, а завтра он сам забудет свои слова.

– Ты права, сестрица, – сказала Балкис. – И в следующий раз, когда он будет хвастать, попробуй поймать его на слове, попроси его топнуть ногой. Посмотрим, что из этого выйдет. Мы ведь знаем, какие бывают мужья, – не правда ли? Не мешает его пристыдить.

Бабочка улетела к своему супругу, и через пять минут они ссорились пуще прежнего.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Помни, – кричал мотылек, – помни, что случится, если я топну ногой!

– Я тебе ни капельки не верю, – возражала бабочка. – Вот попробуй, топни нарочно, сейчас топни.

– Я обещал Сулейман-бен-Дауду не делать этого и не хочу нарушать своего слова.

– Беды не будет, если его нарушишь, – сказала бабочка. – Сколько бы ты ни топал, ты не пригнешь даже травинки к земле. Ну и топни нарочно.

Сулейман-бен-Дауд, сидя под камфарным деревом, слышал каждое слово и так хохотал, как ему до тех пор еще никогда не случалось. Он забыл о своих султаншах, он забыл о звере, который вышел из пучины морской, он забыл обо всем и хохотал, потому что ему было весело. А Балкис среди цветов улыбалась, радуясь тому, что ее дорогой супруг развеселился.

Мотылек, очень взволнованный и разгоряченный, стремительно прилетел под тень камфарного дерева и сказал Сулейману:

– Она хочет, чтобы я топнул! Она хочет посмотреть, что из этого выйдет! О Сулейман-бен-Дауд, ты знаешь, что я похвастался. Теперь она уже не поверит ни одному моему слову. Она всю жизнь будет смеяться надо мною.

– Нет, братец, – ответил Сулейман-бен-Дауд. – Мы сделаем так, чтобы она больше не смеялась над тобою.

Он повернул кольцо на пальце, – не для того, чтобы похвалиться своим могуществом, а для того, чтобы помочь мотыльку, – и вмиг перед ним явились из-под земли четыре грозных духа.

– Рабы! – сказал Сулейман-бен-Дауд. – Когда этот господин на моем пальце (наглый мотылек все еще сидел на его руке) топнет левой передней ногой, вы унесите мой дворец и сады в грозовой туче. Когда он опять топнет, вы все водворите на прежнее место.

– Теперь, братец, – сказал он, – лети к своей жене и топай на здоровье.

Мотылек полетел к жене, которая кричала:

– Я требую, чтобы ты это сделал, требую! Топни, говорю тебе! Топни, топни!

В это время Балкис увидела, как четыре могучих духа взялись за четыре угла сада, посреди которого стоял дворец, и от радости даже захлопала в ладоши.

"Наконец-то, – подумала она, – Сулейман-бен-Дауд ради мотылька делает то, что давно должен был сделать ради собственного благополучия. Теперь, по крайней мере, сварливые султанши будут достаточно напуганы".

Мотылек топнул ногой. Духи подхватили дворец и сады и подняли их на тысячу миль над землею. Послышался ужасный раскат грома, и все скрылось в непроглядной тьме.

Бабочка затрепетала и воскликнула:

– О, я больше не буду! И зачем я так говорила?! Верни на место сады, милый мой супруг! Я обещаю, что больше никогда не стану тебе перечить.

Мотылек испугался не меньше своей жены, а Сулейман-бен-Дауд так хохотал, что несколько минут не мог вымолвить ни слова. Наконец он перевел дух и шепнул мотыльку:

– Топни опять, братец, верни мне дворец, о величайший из волшебников!

– Да, верни ему дворец! – сказала бабочка, порхавшая в темноте, как моль. – Отдай ему дворец и не прибегай больше к такому ужасному колдовству!

– Хорошо, милая, – ответил мотылек с напускной храбростью. – Ты сама видишь, к чему привели твои придирки. Мне-то, конечно, все равно. Я привык и не к такому колдовству, но ради тебя и Сулейман-бен-Дауда я готов поставить дворец на место.

Он снова топнул ногой, и в ту же самую минуту духи бережно опустили дворец на землю. Солнце ярко освещало темную листву апельсиновых деревьев, птицы пели, а бабочка лежала под камфарным деревом, еле двигая крылышками и твердила взволнованным голосом:

– Я больше не буду! Я больше не буду!

Сулейман-бен-Дауд от смеха не мог говорить. Он погрозил пальцем мотыльку и, заикаясь, прошептал:

– Ах ты, чародей! К чему ты вернул мне дворец, если я должен лопнуть от смеха?

На этой картинке изображены четыре быстрокрылых духа, которые поднимают на воздух дворец Сулейман-бен-Дауда в ту самую минуту, как мотылек топнул ногой. Сады, дворцы и окружающие постройки были подняты на воздух, словно на подносе, а на их месте в земле осталась глубокая яма, полная пыли и дыма. В правом углу картины, около зверя, который похож на льва, вы увидите Сулейман-бен-Дауда с волшебной палочкой в руке. Зверь, похожий на льва, и есть лев, высеченный из камня, а предмет, похожий на крынку молока, на самом деле угол храма или другого здания. Сулейман-бен-Дауд перешел туда, чтобы быть в стороне от пыли и дыма, когда духи умчали дворец. Я не знаю, как звали духов. Они были слугами волшебного кольца, принадлежавшего Сулейман-бен-Дауду, и сменялись почти ежедневно. Принадлежали они к числу самых обыкновенных быстрокрылых духов.

Внизу картины изображен добрый дух по имени Акред. Он занимался тем, что кормил мелких морских рыбок три раза в день. Крылья у него были из чистой меди. Я его нарисовал, чтобы показать вам, как выглядят добрые духи. Он не помогал поднимать дворец, так как в это время кормил рыбок в Аравийском море.

Вдруг послышался страшный шум. Это девятьсот девяносто девять султанш с криком и визгом выбежали из дворца, созывая своих детей. Они сбегали с мраморной лестницы по сто в ряд и спешили к фонтану.

Мудрая Балкис пошла им навстречу и спросила:

– Что с вами случилось, султанши?

Они остановились на широких мраморных ступенях по сто в ряд и крикнули:

– Что случилось? Мы мирно жили в своем золотом дворце, как вдруг дворец исчез, и мы очутились в непроглядной тьме. Грянул гром, и во тьме стали сновать духи. Вот что случилось, старшая султанша! Такого испуга нам еще никогда не приходилось переживать.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Тогда красавица Балкис, по мудрости почти не уступавшая самому Сулейман-бен-Дауду, сказала:

– Успокойтесь, султанши! Один мотылек пожаловался на свою жену за то, что она с ним ссорилась. Наш повелитель Сулейман-бен-Дауд счел нужным дать ей урок смирения и покорности, так как эти добродетели высоко ценятся в мире бабочек.

Ей возразила египетская султанша, дочь фараона:

– Не может быть, чтоб наш дворец взлетел на воздух, словно песчинка, из-за какой-то бабочки. Нет, вероятно, Сулейман-бен-Дауд умер и сама природа громом и тьмою возвестила нам об этом.

Балкис тряхнула головою и сказала султаншам:

– Идите, смотрите.

Они спустились с мраморных ступеней по сто в ряд и под камфарным деревом увидели мудрейшего из земных владык. Сулейман-бен-Дауд все еще заливался от смеха. На каждой руке он держал по бабочке, и султанши слышали, как он говорил:

– О жена моего воздушного брата! Помни, что ты должна угождать мужу, иначе он опять топнет ногой. Ты сама убедилась, что он великий волшебник. Недаром же он похитил дворец самого Сулейман-бен-Дауда. Ступайте же с миром, дети мои.

Он поцеловал им крылышки, и они улетели.

Тогда все султанши, за исключением красавицы Балкис, которая стояла в стороне и улыбалась, упали ниц, мысленно рассуждая:

"Если все это случилось из-за того, что один мотылек недоволен своей женой, то что ж будет с нами, когда мы непрестанно надоедаем нашему повелителю своими ссорами и криком?"

Они накинули покрывала, зажали рты руками и на цыпочках побежали обратно во дворец.

Тогда красавица Балкис вышла из-за высоких красных лилий под тень камфарного дерева, положила руку на плечо Сулейман-бен-Дауда и сказала:

– О мой повелитель и сокровище моей души! Радуйся! Султанши Египта, Эфиопии, Абиссинии, Персии, Индии и Китая получили хороший урок, которого они не забудут.

Сулейман-бен-Дауд, издали наблюдая за бабочками, порхавшими на солнце, сказал:

– О моя подруга и алмаз моего счастья! Я не заметил, как это случилось. Ведь я все время шутил с мотыльком.

Он подробно рассказал Балкис историю с мотыльком. Нежная, любящая Балкис ответила:

– О мой повелитель и владыка дней моих! Я спряталась за камфарным деревом и все видела. Это я научила бабочку, чтобы она заставила мотылька топнуть. Я надеялась, что мой повелитель в шутку сотворит какое-нибудь великое колдовство, а султанши при виде этого испугаются и притихнут.

И она рассказала ему все, что султанши говорили, видели и думали. Сулейман-бен-Дауд протянул ей руки и весело сказал:

– О подруга моя и услада дней моих! Знай, что если б я совершил это колдовство из гордости или гнева, то был бы так же пристыжен, как тогда, когда я хотел накормить всех зверей в мире. Но, благодаря твоей мудрости, я совершил колдовство ради шутки, чтобы потешить мотылька. Оказывается, что я в то же время избавился от неприятностей с моими сварливыми женами. Скажи же мне, подруга моя и сердце моего сердца, откуда ты почерпнула такую мудрость?

Султанша Балкис, красивая и стройная, взглянула прямо в глаза Сулейман-бен-Дауду и, склонив головку набок, как та бабочка, ответила:

– Во-первых, я люблю тебя, мой повелитель. Во-вторых, я хорошо знаю женский характер.

Они возвратились во дворец и жили счастливо до конца дней своих.

А ведь правда, Балкис ловко придумала?

Альтернативный перевод:

1. Мотылёк, который топнул ногой